

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-43

DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-158-180

Саади и Бунин под тенью Хумая

Марзие Яхьяпур¹

Джанолах Карими-Мотаххар²

Евгений Рудольфович Пономарев³

^{1,2} Тегеранский университет

Тегеран, Иран

³ Институт мировой литературы имени А. М. Горького

Российской академии наук

Москва, Россия

³ Русская христианская гуманитарная академия

имени Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург, Россия

¹ myahya@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

² jkarimi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>

³ eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Аннотация

Рассматривается значение птицы Хумай (Хома) в культуре и мистической литературе Ирана и через их посредство в русской литературе. В Коране упоминаются птицы, связанные с пророками, такие как Удод, Ворон, Абабиль. В персидской мистической литературе, сложившейся на основе исламской культуры, значительное место занимают символические образы света, тьмы и тени. С их помощью поэты выражали духовный путь, которым мистик идет к совершенству, постигая сущность Бога. Самым важным произведением иранской мистической литературы является «Мантик-ат-тайр» поэта XII в. Фаридаддина Атгара, где в аллегорической форме описывается духовное путешествие во имя поиска

© Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Пономарев Е. Р., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 158–180

Critique and Semiotics, 2024, no. 1, pp. 158–180

Истины, результатом которого становится самопознание – важная ступень в познания Бога. Саади Ширази (XIII в.) – один из классиков иранской литературы, стихи и взгляды которого оказали большое влияние на целый ряд русских писателей. Наиболее заметным оно было у Ивана Бунина. В своих произведениях Бунин не раз упоминает имя Саади и, подражая ему, использует образ Хумая. Саади Ширази в своих стихах представил Хумая как священную птицу, предвещающую счастье и благо. Она является символом освобождения от оков материального мира через духовное обновление и трансцендентный переход в мир Абсолюта. «Тень птицы Хумай, дающая удачу и могущество», упала и на Бунина, жившего на 700 лет позже Саади.

Ключевые слова

Хумай, Хома, Атгар, Саади, Бунин, ирано-исламская культура, символ счастья

Для цитирования

Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Пономарев Е. Р. Саади и Бунин под тенью Хумая // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 158–180. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-158-180

Saadi and Bunin under the Shadow of Humay

Marzieh Yahyapour¹, Janolah Karimi-Motahhar²
Evgeny R. Ponomarev³

^{1,2} University of Tehran
Tehran, Iran

³ A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

³ F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy
St. Petersburg, Russian Federation

¹ myahya@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

² jkarimi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>

³ eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Abstract

The article examines the significance of the bird Humay (Khoma) in the culture and mystical literature of Iran and, through them, in Russian literature. The Quran mentions birds associated with the prophets, such as the hoopoe, raven, and quail. In Persian mystical literature, formed on the basis of Islamic culture, symbolic images of light, darkness and shadow occupy a significant place. With their help, poets ex-

pressed the spiritual path by which the mystic goes to self-perfection, comprehending the essence of God. The most important work of Iranian mystical literature is “Mantik-ut-tayr” by the poet of the 12th century. Faridaddin Attar, where in an allegorical form a spiritual journey in the name of the search for Truth is described, the result of which is self-knowledge – an important step in the knowledge of God. Saadi Shirazi (13th century) is one of the classics of Iranian literature, whose poems and views greatly influenced a number of Russian writers. It was most noticeable on Ivan Bunin. In his works, Bunin repeatedly mentions the name of Saadi and, imitating him, uses the image of Humay. Saadi Shirazi in his poems presented Humay as a sacred bird, foreshadowing happiness and good. She is a symbol of liberation from the shackles of the material world through spiritual renewal and transcendental transition to the world of the Absolute. “The shadow of the bird Humay, giving good luck and power”, fell on Bunin, who lived 700 years later than Saadi.

Keywords

Humay, Khoma, Attar, Saadi, Bunin, Iranian-Islamic culture, a symbol of happiness

For citation

Yahyapour M., Karimi-Motahhar J., Ponomarev E. R. Saadi and Bunin under the Shadow of Humay. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 158–180. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-158-180

И в персидской, и в русской литературе есть образы птиц, которые либо реально существуют в природе, либо являются продуктом человеческого воображения (фантастические). И те, и другие являются персонажами мифов и литературных произведений. Птицы могут быть как священными (небесными) предвестниками удачи и счастья, так и демоническими символами несчастья.

Среди птиц, занимающих значительное место в персидской мистической литературе, выделяются Феникс (перс. *ققنوس* гогнус), Симург (перс. *سيمرغ* си-морг), Удод (перс. *هدهد* ход-ход) и Хумай (перс. *هما* / хома; в Авесте – хомайо).

По мнению исследователя Сарфи, «символы, полученные в результате восхождения (полета / взлета) птиц, указывают на связь между Небом и землей, этим миром и Небесным царством»¹ [Sarfi, 2008, p. 54]. Есть аяты Священного Корана, где говорится об особой роли птиц в сообщении людям Божественного замысла (Аль-Анам / Скот: 38; Аль-Нахль / Пчелы: 79; Аль-Исра / Ночной перенос: 13).

---

¹ Здесь и далее перевод с персидского мой. – М. Я.

С. А. Волков отмечает глубокое знание И. А. Буниным текста Корана и исламской символики, вслед за поэтом утверждая, что птица в Коране – это символ судьбы. В своей комментарии к эпиграфу бунинского стихотворения «Птица» он делает вывод: «“Птица”, таким образом, включается в ряд понятий, формирующих один из столпов имана – веру в предопределение, а соответственно, судьбу со свободой воли и ответом человека за свой выбор»² [Волков, 2021, с. 104].

Как и другие авраамические религии, ислам признает существование ангелов – бестелесных безгрешных существ, созданных из стихии света и беспрекословно выполняющих волю Бога. В ирано-исламской культуре у ангелов есть крылья, как у птиц. Особое место в исламе занимает Джibrиль, который отождествляется с библейским архангелом Гавриилом и относится к ангелам «мукаррабун» – наиболее приближенным к Аллаху.

Наличие у персонажа крыльев само по себе указывает на возможность возноситься на небеса, а в литературе символизирует устремление человека к престолу Всевышнего через духовное вознесение. «Образы священных птиц выступали и как символы вечной жизни:

...
А Муза и глохла, и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом»
(А. Ахматова, 21 февраля 1957. Ленинград)
[Яхьяпур, 2017, р. 117–118].

Среди мифических птиц в персидской мистической литературе часто использовался образ птицы Хумай, называемой также «Хома». Эта птица реально существует в природе как стервятник бородач. В иранской культурной традиции Хома больше всего известна как безобидная, благословенная и священная птица, которая является символом счастья. Хома противопоставляется сове – символу тьмы, несчастья, жестокости и зла. «Хумай» в древнеперсидской культуре означает «счастливый, августейший». Согласно словарю Деххода, птица Хома рассматривается в персид-

---

² В эпиграфе «Мы привязали к шее каждого его птицу» (17:14) к своему стихотворению «Птица» Бунин использовал некорректный перевод этого слова в Коране А. Николаева (1901), но был знаком с первоначальным значением коранического слова. Слова «судьба» и «птица» в арабском языке очень созвучны: طائره (таэре) – судьба, طيره (тайере) – птица.

ской литературе как «предвестие власти и славы и считается благоприятным знаком. Это благословенная птица. Тот, на кого падает ее тень, может стать могущественным правителем» [Dekhoda, 1998, p. 3173]. Согласно Шафии-Кадкани (известный современный иранский поэт, литературовед и критик), Хома известна в легендах как символ счастья, справедливого царства, и ее благость рассматривается как нечто само собой разумеющееся (см.: [Attar Neishaburi, 2008, p. 162]). Эта птица настолько популярна в иранской культуре, что иранцы имя Хома нередко дают своим дочерям³.

В персидско-русском словаре под редакцией Ю. А. Рубинчика одно из значений слова هما трактуется как «птица-феникс» (*по поверью, приносящая счастье тому, на кого упадет ее тень*)» [Персидско-русский словарь, 1983, т. 2, с. 721]. С этим нельзя согласиться, потому что Феникс в персидском языке – Гогнус (ققنوس).

В чем заключается причина, по которой Хома считалась символом счастья в мифах Ирана? Существует легенда о том, что в древние времена у праведных царей было Фарр-е Элахи (перс. فرّ الهی, т. е. Божественное сияние). Джамшид Джам, мифический древнеиранский шах, обладавший Фарр-е Элахи, возгордился и стал утверждать, что он бог. И тогда, по повелению Бога, Фарр-е Элахи покинуло его существо и скрылось в морской пучине⁴. Фарр проглотила рыба, которую вскоре проглотила птица Хома, поэтому в Хоме присутствует это божественное сияние, делая ее символом совершенства.

О Хоме упоминается в священных писаниях зороастризма Авесте: Хома – дочь царя Гоштаспа (авест. Виштаспы) и сестра богатыря Эсфандияра (авест. Спендодата).

Хома присутствует в трех родах персидской литературы: эпической (Фирдоуси «Шахнаме»), мистической (Аттар «Логика птиц» (Мантик-ут-тайр)) и лирической (Хаджу Кермани «Хома и Хомаюн») [Shafagh, Zarei, 2012, p. 62]].

---

³ Изображение Хомы с 1961 г. является эмблемой Национальной иранской авиакомпании (Navareimaee Melli Iran – هواپیمایی ملی ایران). Начальные буквы каждого слова в названии авиакомпании и составляют имя птицы Хома (перс. هما), символизируя счастливый полет.

⁴ В иранской мифологии это не единственный случай, когда правитель терял Фарр-е Элахи из-за гордости или роковых ошибок.

Эти мифические птицы в эпической и мистической литературе иногда имеют двойственный характер. Например, Симорг (Симург) в «Шахнаме» Фирдоуси имеет две противоположные сущности: Яздани (райская / божественная – в рассказе о Зале) и Ахримани (демоническая / дьявольская – в «Хафт-Хан Эсфандияра»).

Две противоположные черты Хома описывает и Аттар в «Мантик-ут-тайр»⁵. В одной из глав, которая называется «Рассказ Хома», идет дискуссия между Удодом⁶ и Хомой. Мудрый Удод в этой эпической философской поэме обучает птиц суфийскому пути, олицетворяя опытного муршида⁷, духовного наставника. Хома же является олицетворением высокомерных отшельников-дервишей, гордившихся своим аскетизмом. На собрании птицы должны решить, кого выбрать царем. После беседы Удод предлагает им отыскать легендарного Симурга (название созвучно с *си* – 30, *мург* / *морг* – птица, что означает «тридцать птиц»).

Хома знает, что ее тень, падая на людей, дает им власть и богатство, делает их царями; это рождает в ней тщеславие и чувство превосходства над другими птицами:

Хома, дарующая тень, подойдет к птицам,
Тень ее дарит царям богатство.
Она – символ аскетичного человека:
Я подчинила страсти (собаку желаний) и дала им кости.
Моя тень создала царей.
Любой нищий по природе – не мой человек
[Attar Neishaburi, 2015, pp. 154–157].

Птица Удод вошла в иранскую литературу в основном через 27-ю суру Священного Корана «Ан-Намль» («Муравьи»). В иранской поэзии и прозе авторы ссылаются на историю Соломона (Сулеймана), который призвал к единобожию царицу Сабу, и на роль Удода в этом деле. В некоторых

⁵ Словосочетание «мантик-ут-тайр» в арабском языке и Коране (сура 27 «Ан-Намль» / «Муравьи») означает «язык птиц», но по-персидски традиционно переводится как «логика птиц».

⁶ В литературе Удод упоминается также как «Птица Соломона» («Птица Сулеймана» по-персидски; «Птица Сулаймана» по-арабски), «Вестник Сулеймана», «Гребень на голове», «Пупак», «Пупу», «Аболраби», «Бадак», «Бадбадак», «Бубу», «Бубуе», «Бубук», «Аболахбар».

⁷ Встречаются также такие эквиваленты: Пир, Мурад, Муршид, Предводитель, Руководитель, Вождь, Проводник, Гид.

аятах Удод является символом посланника (Сулеймана) и проводником к совершенству.

Вот оригинальный текст «Рассказа Хомы» Аттара из «Мантик-ут-Тайр» в редакции Никсерешт [Attar Neishaburi, 2015, p. 154–157] и наш перевод «Рассказа Хомы»⁸:

داستان هما	
<p>خسروان را ظل او سرمایه بخش کز همه در همت افزون آمد او من نیم مرغی چو مرغان دگر عزلت از خلغم پدیدار آمدست عزت از من یافت افریدون و جم بس گدای طبع نی مرد من اند روح را زین سگ امانی می دهم جان من زان یافت این عالی مقام چون توان پیچید سر از فر او تا ز ظلمت ذره ای آید به دست بس بود خسرو نشانی کار من سایه در چین، بیش از این بر خود مخند همچو سگ با استخوانی این زمان خویش را از استخوان برهائی جمله از ظل تو خیزند این زمان جمله از شاهی خود مانند باز در بلا کی ماندی روز شمار [عطار، ب، 1394، صص 154-157]</p>	<p>پیش جمع آمد همای سایه بخش زان همای بس همایون آمد او گفت ای پرندگان بحر و بر همت عالیم در کار آمدست نفس سگ را خوار دارم لاجرم پادشاهان سایه پرورده من اند نفس سگ را استخوانی می دهم نفس را چون استخوان دادم مدام آنک شه خیزد ز ظل پر او جمله را در پر او باید نشست کی شود سیمرخ سرکش یار من هدهدش گفت ای غرورت کرده بند نیستت خسرو نشانی این زمان خسروان را کاشکی نشانی من گرفتم خود که شاهان جهان لیک فردا در بلا عمر دراز سایه تو گر ندیدی شهریار</p>

Рассказ Хомы

Хома, дарующая *тень*, подошла к толпе птиц,
Тень ее дарит царям богатство,

Та Хома, что стала благословенной,
 Ибо она – стойкий духом отшельник.

⁸ В персидском тексте стихотворения и в его переводе курсив наш.

Хома сказала: «Эй птицы, летающие по морям и суше!
Я не та птица, что подобна другим!

Мое преимущество – нравственное величие.
Я – живущий вдали ото всех отшельник.

Я презрела собачьи желанья своей души.
Я прославила Афридуна и Джама.

Падишахи возвысились под моей *тенью*.
Она не падает на недостойных.

Бросаю я кости собачьим желаньям души,
Не давая собаке вгрызаться в нее.

Поскольку я всегда кидала кости собаке страсти,
Моя душа обрела возвышенную стойкость.

Тот, кто получил царство под моей *тенью*,
Может ли не заметить моей сияющей славы?

Всем надо стремиться попасть под мое крыло,
Чтобы получить свою долю счастья от моей *тени*.

Непокорный Симург не станет вовек моим другом.
Это я выбираю того, кому стать падишахом!»

Удод ей ответил: «О, узник собственной гордости!
Убери свою *тень* и не выставляй себя на посмешище!

Нынче тебе не дано выбирать падишаха,
Нынче ты как собака с костями-страстями.

Лучше б тебе не назначать падишахов,
А себя убережь от этих костей!

Даже если все падишахи мира
Получили престол благодаря твоей *тени*,

В Судный день они власти лишатся
И жестокие примут мученья.

Если б шах твою *тень* не заметил,
Не попал бы в беду в Судный день!

Возникает вопрос, как Удод и «тень» вошли в персидскую мистическую литературу?

Удод упоминается в аятах 17–22 суры 27 «Ан-Намль» («Муравьи») Священного Корана:

17. И собраны были к Сулейману его войска джиннов, людей и птиц, и они распределялись.

18. А когда они дошли до муравьиной долины, одна муравьица сказала: «О, муравьи, войдите в ваше жилище, пусть не растопчут вас Сулейман и его войска, не замечая этого».

19. Он улыбнулся, засмеявшись от ее слов, и сказал: «Господи, внуши мне быть благодарным за Твою милость, которую Ты ниспослал мне и моим родителям, и чтобы я делал благо, которое Тебе угодно, и введи меня Твоей милостью в число рабов Твоих праведных!»

20. И он стал разыскивать птиц и сказал: «Почему это я не вижу удода? Или он отсутствует?»

21. Я накажу его наказанием сильным или убью его, или он придет ко мне с явной властью».

22. Тот пробыл недолго и сказал: «Я узнал то, чего ты не знаешь, и пришел к тебе от Сабы с верным известием» (Кор. 27: 17–22).

Эти аяты стали основанием для поэта-мистика Аттара Нейшабури (в русском языке – Нишапури), автора поэмы «Мантик-ут-тайр», выделить Удоду как самую мудрую из птиц, возглавившую их полет к Симургу.

В произведениях других поэтов-мистиков Удод также является наставником и проводником в мистическом пути духовного самосовершенствования «сейро сулук – سير و سلوك». Например, живший в XIV в. Хафиз Ширази упоминает Удоду в своих газелях:

Я не пошел в гнездо Симурга по собственному плану.

Я пошел по этому пути под руководством Птицы Сулеймана.

Как уже говорилось, сюжетная линия поэмы Аттара «Мантик-ут-тайр» – это история путешествия птиц, пожелавших отыскать своего Господина Симурга. И поэт дал Удоду роль вождя и проводника ищущих, который намеревается изменить их сознание. Намерение Удоды состоит в том, чтобы птицы достигли высокого уровня самопознания, что, по сути, является познанием Бога. Человек должен провести над собой большую работу, чтобы приблизиться к постижению Божественной сущности. И начало этой работы – освобождение от власти телесного.

Познание человеческой души с ее атрибутами и характеристиками является необходимым условием познания Бога и важной частью исламской теологии:

Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих, пока не станет им ясно, что это – истина. Разве не достаточно для твоего Господа, что Он о всякой вещи свидетель? (Кор. 41:53).

В другой суре Аллах гласит:

И на земле есть знамения для убежденных, и в ваших душах. Разве вы не видите? (Кор. 51:20–21).

Вернемся к «Рассказу Хомы» Аттара Нейшабури. В нем наиболее часто упоминаемым (8 раз) является слово «тьень» (араб. – ظل / заалл, перс. سایه / сае). Это слово имеет особое место в Коране, учении мистиков и персидской мистической литературе. Не потому ли Бунин дал название «Тень Птицы» первому очерку книги о путешествии на Восток?⁹

Чтобы найти ответ, приходится уточнить происхождение слова «тьень», которое вошло в литературу. Как уже упоминалось, иранские поэты использовали образы Корана и исламского мистицизма в своих стихах. Слово «тьень» в религиозных и в мистических текстах противоположно по значению слову «свет». «В Коране есть различные толкования понятия “свет”. В исламском мистицизме и в персидской мистической литературе это абсолютный свет Бога, и цель мистика – достичь высшего Света. Мусульманские мистики считали истинный Свет истиной Бога / существования. “Тень” в Коране означает и тень, и завесу. “Тень”, в основном, относится к затемнению и прикрытию чего-либо чем-то еще и является противоположностью свету “الضُّحُ / аз-зоха”. Для всего, чего не достигает солнечный свет, используется термин “тьень”, который является настоящим значением этого слова» [Ibn Faris, 2006, p. 461].

«Тьма» (ظلمت / золмат) происходит от корня «угнетение» (ظلم / золм) (в персидском языке), означает «лишение», а также «отсутствие прав». Точно так же тьма означает невыполнение естественного принципа возникновения и распространения Света. Когда этот свет теряется или тускнеет, возникает тьма.

---

⁹ В третьей редакции (1931) не только первый рассказ, но и вся книга получила заглавие «Тень Птицы». Но в четвертой редакции (1936) Бунин изменил заглавие на прежнее: «Храм Солнца». Подробнее о заглавии и тексте книги см.: [Пономарев, 2021a].

Творение основано на концепции света. Свет – одна из главных опор четырех стихий. В религиозных текстах и высказываниях мистиков тень также проявляет некую зависимость. Она не может существовать сама по себе. С другой стороны, тень (ظل و سایه) присуща миру.

Некоторые знатоки ислама трактуют тень как отражение света, так как тень – эффект света. И поскольку творец света – Бог, то тень – это тоже проявление Его сущности.

Свет в Священном Коране также имеет другое толкование – вера. Это свет веры, освещающий сердце. Сама вера – это бестелесная истина, обладающая свойством просветления, потому что она дает человеку своего рода осознание света в своем сердце, показывает ему цель и предназначение, ведет человека к блаженному месту их достижения и дает «свет» душе. Саму любовь мистики называют «светом». В определенном смысле ничто не является светом перед Богом, т. е. весь свет есть тьма (тьень) перед Богом¹⁰.

Но вернемся к птице Хоме, обладательнице чудодейственной тени. В повествовании Аттара птица Хома, выступая против поиска Симурга, говорит Удоду:

Мое преимущество – нравственное величие.
Я – живущий вдали ото всех отшельник.

Я презрела собачьи желанья своей души.
Я прославила Афридуна и Джама.

Падишахи возвысились под моей *тенью*.
Она не падает на недостойных.

Бросаю я кости собачьим желаньям души,
Не давая собаке вгрызаться в нее.

Поскольку я всегда кидала кости собаке страсти,
Моя душа обрела возвышенную стойкость.

Тот, кто получил царство под моей *тенью*,
Может ли не заметить моей сияющей славы?

---

¹⁰ Эту мысль тонко уловил Николай Гумилев в своем стихотворении «Пьяный дервиш» с его рефреном: «Мир лишь луч от лика Друга, все иное – тень Его!» [Яхьяпур и др., 2013, с. 93].

Согласно Шафии-Кадкани и Яхагги, «Хома в “Мантик-ут-Тайре” Аттара символизирует тех, кто очарован своим влиянием в обществе» [Attar Neishaburi, 2008, p. 178; Yahaghi, 2009, p. 452]. По мнению иранского литературоведа А. Никсерешта, «Хома – это “приносящая счастье” в литературе. Но, по логике, она – символ властолюбивых святош и честолюбивых моралистов, желающих иметь влияние в государстве» [Attar Neishaburi, 2015, p. 155].

С точки зрения иранского исследователя Яхагги, «Слово “Гамаюн” (на персидском языке “Хомаюн”), вероятно, связано с названием птицы Хомы» [Yahaghi, 2009, p. 451]. Эту идею поддерживает О. Н. Трубачев, утверждая, что «Гамаюн – это искажение персидского слова *хумаюн*». [Трубачев, 2005, с. 124–125]. В. К. Былинин и Д. М. Магомедова считают, что миф о Гамаюне был привнесен в Древнюю Русь из восточных мусульманских легенд и поверий: «Мифологические истоки образа птицы Гамаюн надо искать на мусульманском Востоке. Однако ясно, что в Россию он проникает и через персидские, и через западноевропейские источники» [Былинин, Магомедова, 2012, с. 45].

Образ птицы Гамаюн занимает солидную нишу в русской культуре. Птица Гамаюн наряду с другими мифическими райскими птицами присутствует в русских сказках и на русских лубках. Ее образ вдохновлял знаменитых русских художников – Васнецова, Врубеля, Билибина. Птица Гамаюн изображена на гербе Смоленска – одного из древнейших русских городов. К образу этой мифической птицы обращается целый ряд поэтов Серебряного века: Бальмонт, Блок, Ахматова, Есенин и др. «Тень Хумая» упала и на Бунина.

Увлечение образами восточного мистицизма в среде художественной интеллигенции России не случайно – в конце XIX и начале XX в. европейские страны охватил кризис европоцентризма, само понятие «Восток» становится не территориальным, а эстетическим. Шло активное освоение духовного наследия Востока, интерес к которому сливался с интересом к мистицизму. Российский ориентализм имел свою специфику. Многие писатели начинают осознавать себя продолжателями духовных традиций Востока [Чач, 2010, с. 59].

«Птица Хумай в персидской мифологии – символ счастья, блага. О ней писали многие иранские и персоязычные поэты в разных странах (Фирдоуси, Асади Туси, Фаррохи Систани, Саади, Мавлана, Фахруддин Ираки, Хафиз, Хаджу Кермани, Хакани, Низами, Саиб Табризи, Мирза Абд аль-Кадир Бедиль, Аллама Мохаммад Икбал и др.)» [Яхьяпур, Карими-Мо-

таххар, 2021, с. 544]. Она упоминается и в произведениях современных персидских поэтов, таких как Парвин Этесами, Шахрияр и Хушанг Эбте-хадж (Сае).

Живший в XIII в. классик персидской поэзии Саади Ширази тоже воздал должное образу птицы Хома – как природному, так и мистическому существу. На самом деле Хома – это гриф, питающийся падалью и обгладывающий кости. Но мы видим, что в изображении Саади эта птица ценная, поэт упоминает ее как безобидную и даже предпочитает ее всем другим птицам:

Хома гордится перед всеми птицами,
Что она ест кости и не нуждается в [мясе] животных

همای بر همه مرغان از آن شرف دارد
که استخوان خورد و جانور نیاز دارد

[Saadi, 1998, p. 67]

Этот стих также имеет переносное значение и относится к людям, которые не притесняют других, поэтому достойны уважения. В другом стихотворении Саади смотрит на Хому глазами мистика, относя ее к категории священных птиц:

Нет жаждущих приюта под тенью совы,
Хотя бы птица Хумай и не существовала на свете

کس نیاید به زیر سایه بوم
ور همای از جهان شود معدوم.

[Saadi, 1998, p. 49]

Тонко чувствовавший культуру исламского Востока Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) был очень увлечен творчеством Саади и создал под его влиянием целый ряд ярких произведений. Во многих из них – таких как «Кума», «Закон», «Смерть», «Завет Саади», «Камень», «Тень Птицы» – Бунин упоминает имя и слова Саади.

Как убедительно показал А. В. Бакунцев, первое знакомство Бунина с творчеством Саади Ширази, вероятнее всего, произошло в середине 1900-х гг. Цитаты из Саади в произведениях русского поэта и писателя впервые обнаруживаются в 1907 г.: это стихотворение «Череп» с подзаголовком «Из “Бустана” Саади» и большой путевой очерк «Тень Птицы», который в дальнейшем вошел в книгу путевых очерков «Храм Солнца»

(1915; очерки из нее публиковались по отдельности с 1908 по 1912 г.). А. В. Бакунцевым обнаружено издание, по которому Бунин знакомился с творчеством великого поэта древности [Бакунцев, 2023, с. 173]. Это магистерская диссертация востоковеда И. Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» [1867]. В этой книге в прозаической форме пересказывались произведения древнего поэта. Словосочетание ««Тезкират» Саади» из очерка «Тень Птицы»:

В пути со мною <...> «Тезкират» Саади, «усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Саади Ширазского, да будет священна память его!». В утренней свежести, я сижу на юте и упиваюсь жизнью поэта, мудреца и путешественника [Бунин, 1915, т. 4, с. 102] –

как объясняет А. В. Бакунцев [2023, с. 174–175], тоже взято из этой книги, но является неверным прочтением текста диссертации. Холмогоров включил в диссертацию переведенную им главу, посвященную жизни Саади, из книги под названием «Тезкират-ош-шоара» (Жизнеописание поэтов, 1487) историка персидской литературы Девлет-шаха ибн Ала-эд-девле Бехтишаха (около 1437–1495), «по прозванию Эль-гази эс-Самарканди («Самаркандский боец за веру»))» [Холмогоров, 1867, с. 12–29]. Именно эти страницы и цитирует Бунин в начале очерка «Тень Птицы».

О птице Хумай (именно в такой огласовке) Бунин, вероятно, тоже прочитал в книге Холмогорова. Прочитируем «Тень Птицы»:

И тогда в ясном морском воздухе раскрывается целая страна – страна, занятая городами, морями и голубовато-туманными, таинственными хребтами Малоазийских гор, – страна, на которую пала тень Птицы Хумай.

Кто знает, что такое птица Хумай? О ней говорит Саади:

– Нет жаждущих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете!

И комментаторы Саади поясняют, что это – легендарная птица и что тень ее приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие [Бунин, 1915, т. 4, с. 126].

Этот отрывок почти дословно (вместо «жаждущих приюта» у Холмогорова сказано: «не захочет приютиться»; впрочем, Бунин очень редко цитирует точно, поэтому легкое различие не следует принимать в расчет) повторяет текст Холмогорова. В диссертации тоже приводится эта цитата.

Она дана в списке наиболее ярких изречений из первой главы «Гулистана» (перс. «Голестан»; букв. «вертоград», «цветник»). Ср. оригинал:

کس نیاید به زیر سایه بوم
ورهمای از جهان شود معلوم.

[Saadi, 1998, p. 49]

Мнение «комментаторов» же, скорее всего, взято Буниным из примечания Холмогорова к этому изречению, в котором автор диссертации сообщает: «Тень птицы Хумай приносит тому, на кого упадет, достоинство падишаха» [Холмогоров, 1867, с. 72]. Как видим, Бунин перефразировал источник, творчески приспособив запомнившуюся цитату к собственному мотиву, одному из центральных не только для этого очерка, но и для всей книги «Храм Солнца».

Часть цитаты из Саади, касающаяся «тени совы», в данном контексте Бунину не нужна. Он останавливается лишь на «птице Хумай» для финальной характеристики благословенной земли – города императора Константина, превратившегося в столицу восточной империи. Герой-повествователь поднимается на Галатскую башню (называя ее башней Христа) и созерцает под собой благословенный город. А затем мистическим образом созерцает уже всю страну и расширяет трактовку «тени Птицы» до всей бывшей Византии и нынешней Оттоманской порты. При этом изречение Саади оказывается не единственной и не первой характеристикой благословенного города (благословенной страны). Оно становится восточным вариантом европейских мифов об основании Константинополя, подерживающим их смыслы:

Песню Песней, чудом чудес, столицей земли называли город Константина греческие летописцы. Молва всего мира объясняла его происхождение божественным вмешательством. Одна легенда говорит, что на месте Византии орел Зевса уронил сердце жертвенного быка. Другая – что основателю ее было повелено основать город знамением креста, явившимся в облаках над скутарийскими холмами, при слиянии водных путей и путей караванных...

Восточный поэт сказал бы, что здесь пала тень птицы Хумай [Бунин, 1915, т. 4, с. 126].

Отметим, что высказывание Саади серьезно переосмыслено Буниным. Мало того, что оно (в отличие от европейских легенд) не имеет отношения к созерцаемым красотам, в оригинале оно применяется к человеку, а не

к локусу – городу или стране. Бунин цитирует не букву, а дух восточной мудрости. Под тенью легендарной птицы метафорически подразумевается благословение Всевышнего, павшего на эти земли. Но поскольку благословенная земля – это одновременно и христианская Византия и мусульманская Порта, то конфессиональные черты расплываются, сближая две великие религии. Это соединение христианского и мусульманского понимания Бога характерно как для очерка «Тень Птицы», так и для всей книги очерков «Храм Солнца».

Птица Хумай больше нигде не упоминается в очерке, но – в свете важности вошедшей в текст символики – вспоминается противостоящая Хоме сова. О сове говорилось в другой цитате, выше по тексту:

Но давно уже –
Паук заткал паутиной царские входы,
И ночная сова кричит на башне Афразиба...

Говорят, что, повторяя персидского поэта, сказал эти слова упоенный победой Магомет Второй, войдя в разграбленное и поруганное жилище Константина вечером 29 мая 1453 года, – в час, когда первый муэzzин поднял свой звонкий и печальный вопль над Византией [Бунин, 1915, т. 4, с. 106].

Здесь цитируется другой персидский поэт – шейх Бахаи (Баха ад-Дин Мохаммад Бен Хоссейн Амели; 1547–1621). Стихи взяты из его книги «Кяшкуль»¹¹ (так называется чаша для сбора подаяний, которую носят дервиши и нищие): тетрадь 4, часть 2, раздел 3 – часть 2:

پردهداری می‌کند بر طاق کسری عنکبوت
جغد نوبت می‌زند بر قلعه افراسیاب
[شیخ بهایی، کاشکول، دفتر چهارم، قسمت دوم، بخش سوم- قسمت دوم؛ منبع گنجور]

Следовательно, Магомет Второй не мог повторить эти стихи: они созданы на век позже падения Константинополя. Кроме того, эти стихи не слишком подходят к ситуации взятия города; они, скорее, соответствуют теме запустения византийских дворцов во времена Бунина. Однако яркость метафоры важнее исторической неточности. Сова в этом контексте символизирует разорение благословенной земли – в соответствии со сказанным в финале очерка о тени птицы Хумай:

¹¹ См.: *Sheikh Baha'i. Kashkul*. (in Pers.) URL: <https://ganjoor.net/bahae/kashkul/d4b2/sh6> (accessed: 28.12.2023).

Много раз меркла эта тень. Но за обладание местом, где пала она, лились реки крови. И раздоры, и пророчества о будущем этого места, не смолкают и донныне [Бунин, 1915, т. 4, с. 126].

Символика птиц, как и символика света и тени, развивается в очерке «Тень Птицы» и последующих очерках книги «Храм Солнца» двумя параллельными линиями: с одной стороны, это метафоры (духовного) полета и движения к небу, божественному свету; с другой – это бытовые туристические картины: орнитологические описания и экзотика южного солнца или живительной тени (подробнее об этом см.: [Анисимов, 2020]).

В других очерках книги «Храм Солнца» к этому мерцающему значению добавляется факультативный ряд ассоциаций. Например, в очерке «Море богов» корабль, идущий через Средиземное море с севера на юг, сопровождает «слабый таинственный свет» в воде, реющий за кормой. Основной метафорический строй очерка пропитан солярной темой. Центральная метафора восходит к стиху из Евангелия от Иоанна («И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»; Иоанн 1; 5). См. у Бунина:

Но мертвых в мире нет, – подумал я. Свет и во тьме светит. Вот закатилось солнце, породившее некогда Акрополь, но и во тьме только солнцем живем и дышим мы – на земле, его частице [Бунин, 1915, т. 4, с. 138].

Однако на уровне коннотативных значений (как в очерке «Тень Птицы») птица Хумай подтверждала греко-римские и христианские легенды об основании Константинополя), свет в ночном море может быть напоминанием о Фарр-е Элахи, божественном свете в мире, побывавшем и в море, и в воздухе, связанном с легендой о Хоме.

Собственно, центральная антитеза книги «Храм Солнца»: противопоставление солнечного света, питающего жизнь, тьме и смерти – проведенная от древних солярных мифов через древнеегипетскую мифологию к великим религиям современности и ставшая основой для собственно бунинского мифотворчества (подробнее об этом см.: [Пономарев, 2021б]), – соответствует исламским представлениям о свете как проявлении Бога. Впрочем, и в христианстве свет символизирует Божественную истину, веру и знание. А вот метафорика тени из книги Бунина, как кажется, восходит именно к исламской культуре.

Еще одно обращение к символике птицы Хумай и творчеству Саади находим в рассказе «Смерть (1911; в некоторых вариантах заглавие «Смерть Моисея»; в советских изданиях заглавие «Смерть пророка»). Рассказ соединяет цитаты из «Гулестана» Саади со стихами из Корана. Так,

в начале рассказа вслед за бисмилля (первой фразой молитвы) идут следующие фразы:

«Мы не видели и не видим Его», – говорят они. Но солнце не виновато, что глазам летучей мыши не дано зрения. Сердце человека ищет веры и защиты. Кто же прибегает к защите совы? Лучше мечтать о сени феникса, хотя бы феникс и не существовал в мире. Сень же Творца существует от века [Бунин, 1915, т. 6, с. 142].

Первая цитата о солнце и летучей мыши взята из пятого рассказа первой главы «Гулистана»:

گر نبیند به روز شیره چشم
چشمه افتاب را چه گناه

[Saadi, 1998, p. 55]

За ней следует уже знакомый нам по очерку «Тень Птицы» (из третьего рассказа первой главы «Гулистана») стих о тени совы и тени птицы Хумай, но, вероятно, по другому переводу. А. В. Бакунцев допускает, что в распоряжении Бунина мог быть и другой перевод сочинений Саади, кроме диссертации Холмогорова, – возможно, перевод не на русский, а на один из европейских языков [Бакунцев, 2023, с. 173]. Здесь Хома, о которой идет речь в оригинальном тексте, заменена на феникса (как показано выше, это нередкая ошибка), а понятие «тень» передано как «защита» (крайне неудачно в данном случае) и «сень» (вполне допустимый синоним «тени»).

В отличие от путевого очерка о Константинополе / Стамбуле, здесь рассуждение о сени / тени птиц завершено прямым указанием на Творца и его сень. Итак, в 1911 г. Бунин вместо Хома (подразумеваемая именно ее и значительно точнее передавая саму суть стиха Саади) использует феникса – мифологическую птицу, которая давно известна в русской литературной традиции и не требует дополнительных объяснений. Не исключено также, что птица Хумай осталась для русского писателя символом благословенной земли Средиземноморья; использовать ее в новых контекстах он не хотел. Отметим к тому же, что сама тема рассказа «Смерть» – жизнь и смерть Моисея – выбирает общую точку для трех мировых религий: иудаизма, христианства и мусульманства. Точно так же, как локус Константинополя / Стамбула объединял две мировые религии.

Образ мистической птицы Хумай, пронизывающий всю иранскую литературу, начиная с сакральных текстов Авесты, включая творения сред-

невековых персидских классиков и заканчивая стихами современных поэтов Ирана, стал неотъемлемой частью русской литературы. Он живет в произведениях ряда ярких представителей Серебряного века, в том числе в стихах и прозе Ивана Алексеевича Бунина, который испытал глубокое влияние творчества Саади Ширази и вместе с ним оказался «под тенью Хумая».

Список литературы

Анисимов К. В. Порывая всякую связь с землей: орнитология бунинского травелога «Тень Птицы». Поэтика и смысл // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 454. С. 5–11.

Бакунцев А. В. Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярной И. А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 168–193. DOI 10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193

Былинин В. К., Магомедова Д. М. Из наблюдений над бестиарием А. Блока: птицы Гамаюн, Сирин, Алконост и другие // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве: Сб. ст. / Сост. А. Л. Львова. М.: Intrada, 2012. С. 41–59.

Волков С. Концептуальный объект «птица» в одноименном стихотворении И. Бунина и кораническом тексте // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2021. № 9 (2). С. 91–110. DOI 10.52547/iar11.18.91

Пономарев Е. Р. Книга очерков «Храм Солнца»: проблема заглавия и основного текста // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества / Отв. ред. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021а. С. 881–889. (Академический Бунин; вып. 3)

Пономарев Е. Р. «Храм Солнца» или «Тень Птиць»? Поэтика «путевых поэм» И. А. Бунина // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021б. № 69. С. 298–320.

Трубачев О. Н. Смоленские мотивы // В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / [Сост. Г. А. Богатова, И. Б. Еськова, И. Г. Панова]; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 286 с.

Чач Е. А. Ориентальный контекст Серебряного века // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). С. 59–62.

Яхьяпур М. Анна Ахматова и мир Востока. 2-е изд. Тегеран: Изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы», 2017. 359 с. (на рус. и перс. яз.)

Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж. Иван Бунин и восточная мистика // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 2. С. 533–546. DOI 10.15826/qr.2021.2.594

Яхьяпур М., Садеги З., Карими-Мотаххар Дж. Николай Гумилёв и мир Востока. Тегеран: Изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы», 2013. 236 с. (на рус. и перс. яз.)

Sarfi M. R. Bird Symbols in Rumi's *Massnavi* // *Literary Research*. 2008. Vol. 5, no. 18. P. 53–76. (in Pers.)

صرفی محبرضا، نماد پرندگان در مثنوی، پژوهش‌های ادبی، سال 5، شماره 18، 1386، صص 53–76.

Yahaghi Mohammad-Jafar. Culture of Myths and Stories in Persian Literature. Tehran: Contemporary Culture, 2009. 952 p. (in Pers.)

باحقی، محمد جعفر؛ فرهنگ اساطیر و داستان‌واره‌ها در ادبیات فارسی، تهران: فرهنگ معاصر، 1388ش. صص 952.

Shafagh E., Zarei J. A Research about Hoday // *Textual Criticism of Persian Literature*. Serial no. 1. 2012. Vol. 4, iss. 1. P. 57–72. (in Pers.)

شفیق، اسماعیل؛ زارعی جمیله، جستاری پیرامون «همای»، متن‌شناسی ادب فارسی، سال 4، شماره 1 (13)، 1391، صص 57–72.

Список источников

Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб: А. Ф. Маркс, 1915. Т. 4. 221 с.; Т. 6. 335 с.

Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. [Душанбе]: Таджик. республ. отд-ние Сов. фонда культуры, 1990. 448 с.

Персидско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Рус. яз., 1983.

Холмогоров И. Шейх Мослихутдин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань: Университетская тип., 1867. 147, 4 с.

Attar Neishaburi M.-E. *Mantik-ut-tair* (with a commentary by Shafe Kadkani). 3rd ed. Tehran: Sokhan, 2008. 440 p. (in Pers.)

عطار نیشابوری مجدایراهم-ا، منطق الطیر، شرح شفیع کدکنی، 1387 چاپ سوم، تهران: سخن، صص 440.

Attar Neishaburi M.-E. *Mantik-ut-tair* (with a commentary by A. Nikse-rsht). Qom: Navid-e Zuhur, 2015. 584 p. (in Pers.)

- عطار نیشابوری *مجدابراهیم*، منطق الطیر، شرح امیر نیک سرشت، قم: نوید ظهور، 1394، صص 584.
- Dehkhoda Ali-Akbar*. Dictionary. Tehran: Uni. of Tehran Press, 1998. Vol. 15. (in Pers.)
- دهخدا علی اکبر. لغت نامه دهخدا، جلد پانزدهم، تهران: انتشارات دانشگاه تهران، 1377.
- Ibn Faris Ahmed bin Faris*. Dictionary of Language Measures. Beirut: Dar Al-Fikr, 2006. Vol. 3. 478 p. (in Arab.)
- ابن فارس احمد بن فارس*، معجم مقاییس اللغة، ج 3، بیروت: دارالفکر، العربیة، 1385، صص 478.
- Saadi M. Golestān*. Tehran: Qadyani, 1998. 297 p. (in Pers.)
- سعدی، م. گلستان. 1376. تهران: قدیانی.
- Sheikh Baha'i*. Kashkul. (in Persi) URL: <https://ganjoor.net/bahaee/kashkool/d4b2/sh6> (accessed: 28.12.2023).
- شیخ بهایی، کشکول، دفتر چهارم، قسمت دوم، بخش سوم- قسمت دوم؛ منبع گنجور

References

- Anisimov K. V. Poryvaya vsyakuyu svyaz' s zemleyu: ornitologiya bunin-skogo traveloga "Ten' Ptitsy". Poetika i smysl [Breaking all connection with the earth: Ornithology of the Bunin travelogue "Shadow of a Bird". Poetics and meaning]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2020, no. 454, pp. 5–11. (in Russ.)
- Bakuntsev A. V. Reministsentsii iz proizvedenii Saadi v publitsistike i epistolyarii I. A. Bunina: istochnikovedcheskii aspect problem [Reminiscences from Saadi's works in Journalism and Epistolary by I. A. Bunin: the source aspect of the problem]. *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 168–193. (in Russ.) DOI 10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193
- Bylinin V. K., Maujmedova D. M. Iz nablyudenii nad bestiariem A. Bloka: ptitsy Gamayun, Sirin, Alkonost i drugie [From observations on the bestiary of A. Blok: birds Gamayun, Sirin, Alkonost and others]. In: Lvova A. L. (comp.) *Bestiarii v slovesnosti i izobrazitel'nom iskusstve* [Bestiary in literature and fine arts]. Collection of articles. Moscow, Intrada, 2012, pp. 41–59. (in Russ.)
- Chach E. A. Oriental'nyi tekst Serebryanogo veka [The Oriental context of the Silver Age]. *Omsk Scientific Bulletin*, 2010, no. 1 (85), pp. 59–62. (in Russ.)
- Ponomarev E. R. 'Khram Solntsa' ili "Ten' Ptitsy"? Poetika "putevykh poem" I. A. Bunina ["Temple of the Sun" or "Shadow of the Bird"? The poetics of "travel poems" by I. A. Bunin]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2021, no. 69, pp. 298–320. (in Russ.)

Ponomarev E. R. Kniga ocherkov “Khram Solntsa”: problema zaglaviya i jsnovnogo teksta [The book of essays “Temple of the Sun”: the problem of the title and the main text]. In: Dvinyatina T. M. et al. (eds.). I. Bunin i ego vremya: konteksty sud’by – istoriya tvorchestva [I. A. Bunin and his time: the contexts of fate – the history of creativity]. Moscow, 2021, pp. 881–889. (in Russ.) (Academic Bunin; issue 3)

Sarfi M. R. Bird Symbols in Rumi’s Massnavi. *Literary Research*, 2008, vol. 5, no. 18, pp. 53–76. (in Pers.)

Shafagh E., Zarei J. A Research about Homay. Textual Criticism of Persian Literature. Serial no. 1, 2012, vol. 4, iss. 1, pp. 57–72. (in Pers.)

Trubachev O. N. Smolenskie motivy [Smolensk motifs]. In: Bogatova G. A., Eskova I. B., Panova I. G. (comp.). V poiskakh edinstva: vzglyad filologa na problem istokov Rusi [In search of unity: a philologist’s view on the problem of the origins of Russia]. 3rd ed. Moscow, Nauka, 2005, 286 p. (in Russ.)

Volkov S. Kontseptual’nyi ob’ekt “ptitsa” v odnoimennom stikhotvorenii I. Bunina i koranicheskom tekste [The conceptual object “bird” in the poem of the same name by I. Bunin and the Quranic text]. *Issledovatel’skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny [Research Journal of Russian Language and Literature]*, 2021, no. 9 (2), pp. 91–110. (in Russ.) DOI 10.52547/iarll.18.91

Yahaghi Mohammad-Jafar. Culture of Myths and Stories in Persian Literature. Tehran, Contemporary Culture, 2009. 952 p. (in Pers.)

Yahyapour M. Anna Akhmatova i mir Vostoka [Anna Akhmatova and the world of the East]. 2nd ed. Tehran, 2017, 359 p. (in Russ. and Pers.)

Yahyapour M., Karimi-Motahhar J. Ivan Bunin and Eastern Mysticism. *Quaestio Rossica*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 533–546. DOI 10.15826/qr.2021.2.594

Yahyapour M., Sadegi Z., Karimi-Motahhar J. Nikolai Gumilev i mir Vostoka [Nikolai Gumilev and the world of the East]. Tehran, 2013, 236 p. (in Russ. and Pers.)

List of Sources

Attar Neishaburi M.-E. Mantik-ut-tair (with a commentary by Shafe Kadkani). 3rd ed. Tehran, Sokhan, 2008, 440 p. (in Pers.)

Attar Neishaburi M.-E. Mantik-ut-tair (with a commentary by A. Nikseresh). Qom, Navid-e Zuhur, 2015, 584 p. (in Pers.)

Bunin I. A. Complete collection of works. In 6 vols. St. Petersburg, A. F. Marks Publ., 1915, vol. 4, 221 p.; vol. 6. 335 p. (in Russ.)

Dehkhoda Ali-Akbar. Dictionary. Tehran, Uni. of Tehran Press, 1998, vol. 15. (in Pers.)

Ibn Faris Ahmed bin Faris. Dictionary of Language Measures. Beirut, Dar Al-Fikr, 2006, vol. 3, 478 p. (in Arab.)

Kholmogorov I. Sheikh Moslihuddin Saadi Shirazskii i ego znachenie v istorii persidskoi literatury [Sheikh Moslihuddin Saadi of Shiraz and its significance in the history of Persian literature]. Kazan, Uni. Press, 1867, 147, 4 p. (in Russ.)

Krachkovsky I. Yu. (trans.). The Koran. [Dushanbe], Tajik Republic Department of the Soviet Cultural Foundation, 1990, 448 p. (in Russ.)

Rubinchik Yu. A. (ed.). Persian-Russian dictionary. In 2 vols. Moscow, 1983. (in Russ.)

Saadi M. Golestān. Tehran, Qadyani, 1998, 297 p. (in Pers.)

Sheikh Baha'i. Kashkul. (in Persi) URL: <https://ganjoor.net/bahaee/kashkool/d4b2/sh6> (accessed: 28.12.2023).

Информация об авторах

Марзие Яхьяпур, кандидат филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57219025316

Джанолох Карими-Мотаххар, кандидат филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57270830600

Евгений Рудольфович Пономарев, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Marzieh Yahyapour, PhD of Philology, Professor

Scopus Author ID 57219025316

Janolah Karimi-Motahhar, PhD of Philology, Professor

Scopus Author ID 57270830600

Evgeny R. Ponomarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;

одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024

The article was submitted on 01.02.2024;

approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024